

А. Г. Акинина,
студентка магистратуры
факультета иностранных языков
Криворожский государственный
педагогический университет
Научный руководитель:
кандидат филологических
наук, доцент Гамали О. И.

СОСТАВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПОЭЗИИ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Акініна А. Г. (наук. кер.: канд. філол. наук, доц. Гамалі О. І.).
Склад прецедентних феноменів у поезії А. А. Вознесенського.

Статтю присвячено аналізу складу прецедентних феноменів у поезії А. А. Вознесенського. Виявлено корпус прецедентних феноменів та визначено їх типи; встановлено, що різноманітність прецедентних феноменів у творах А. А. Вознесенського зумовлена оригінальною мовною грою, використанням численних поетичних неологізмів, що характеризує поета як тонкого лірика, інтелігента та інтелектуала.

Ключові слова: поезія А. А. Вознесенського, прецедентність, прецедентний феномен, типи прецедентних феноменів, мовна гра.

Акинина А. Г. (науч. рук.: канд. филол. наук, доц. Гамали О. И.).
Состав прецедентных феноменов в поэзии А. А. Вознесенского.

Статья посвящена анализу состава прецедентных феноменов в поэзии А. А. Вознесенского. Выявлен корпус прецедентных феноменов и определены их типы; установлено, что разнообразие прецедентных феноменов в произведениях А. А. Вознесенского обусловлено оригинальной языковой игрой, использованием многочисленных поэтических неологизмов, что характеризует поэта как тонкого лирика, интеллигента и интеллектуала.

Ключевые слова: поэзия А. А. Вознесенского, прецедентность, прецедентный феномен, типы прецедентных феноменов, языковая игра.

Akinina A. H. (academic mentor Doc. O. Hamali). The Collection of Precedent Phenomena in the Poetry by A. A. Voznesensky.

The article deals with the analysis of the collection of the Precedent Phenomena in the poetry by A. A. Voznesensky. The collection of the Precedent Phenomena is identified and their types are defined. It is found that the multiplicity of the Precedent Phenomena in A. A. Voznesensky's poetry exist due to the original language game, the usage of numerous Precedent Phenomena and poetic neologisms, that characterize the poet as skilled lyric and intellectual.

Key words: creativity of A. A. Voznesensky, precedent, precedent phenomenon, types of precedent phenomena, language game.

Постановка проблеми. Типичними чертами русского языка начала XXI века называют интертекстуальность, языковую игру текстов и лингвокреативность [3, с. 2], часто проявляющиеся в обращении к прецедентным феноменам. Термин «прецедент» филологическом контексте рассматривается как уникальность первичного шаблона, которая используется для воспроизведения или сопоставления дальнейших похожих явлений [6]. Подобная практика готовилась историей самого русского языка и русской литературы, на протяжении полутора веков служившей основной базой экспериментов, находивших отражение в литературном языке, обеспечивавших его развитие. Во второй половине XX века, т. е. в период, непосредственно предшествующий нашему, существенное влияние как на умы современников, так и на языковую моду оказывало творчество поэтов-шестидесятников. Одним из самых ярких авторов этого поколения является А. А. Вознесенский (1933–2010) — тонкий лирик, интеллигент и интеллеktуал, известный во многих странах, стихотворения которого отличают своеобразный стиль, эксцентричность сравнений и метафор, необычная ритмика. «Вознесенский воплощал в себе свойства “мостика” — связующего звена между людьми, народами и культурами. Это было заметно у всех шестидесятников, но у него особенно» [5]. Творчество А. А. Вознесенского не теряет значимости и спустя 10 лет после его смерти. Принципы использования наименований прецедентных феноменов в текстах поэта представляют несомненный интерес.

Анализ последних исследований и публикаций. Современная лингвистика располагает множеством работ, в которых подчеркивается возросшая частотность использования явления прецедентности в текстах. Многие российские лингвисты посвящают свои исследования данной теме (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захарченко, Г. Г. Слышкин, Ю. А. Сорокин и многие другие) и сходятся на том, что прецедентные феномены — это одна из ярких черт русской разговорной речи, которая и определяет развитие языка.

Поскольку общепринятого определения понятия «прецедентный феномен» не существует, ряд авторов предлагает его собственную рабочую дефиницию (Е. А. Баженова, Е. В. Гострая и О. Б. Каневская, Т. В. Лобан, Н. М. Малюгина, Р. З. Назарова, С. В. Фашанова и другие).

Так, Л. А. Баландина и Н. М. Малюгина говорит, что прецедентные феномены — «это названия общеизвестных событий, имен, фраз, которые являются символом определенной ситуации» [2]. Особенность такой трактовки данного термина состоит в том, что автор акцентирует

внимание на формировании некоего образа, характеристики которого достаточно узнаваемы. При этом образ может быть выражен любым именем, фразой и т. д.

По определению Е. А. Баженовой, прецедентный феномен — «это автономный смысловой блок речевого произведения, актуализирующий значимую для автора фоновую информацию и апеллирующий к «культурной памяти» читателя» [1]. Здесь подчеркивается возможность перехода общеизвестной культурной памяти читателя в символ.

По мнению Е. В. Гострой и О. Б. Каневской, «прецедентные феномены — это когнитивные структуры, которые сформированы в познавательной базе носителей языка» [8, с. 297].

При подобном подходе прецедентные феномены представляются как своеобразная система понятий, ассоциаций, позволяющая читателю активировать ее в своем сознании через узнавание. При этом в восприятии читателя формируется ментальная картина, выстроенная не только за счет приведенных писателем фактов, но и воспроизводимых с помощью мышления и памяти закрепленных в сознании прецедентов.

Большинство исследователей признают прецедентные феномены уникальной чертой речи определенной группы людей, для которых данные прецедентные феномены имеют особый общий смысл. Прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке.

Одним из авторов, актуализировавших в своем творчестве прецедентные феномены, был А. А. Вознесенский. Современные исследователи творчества А. А. Вознесенского (И. Виравов, И. Козлов, Ф. Медведев и другие) в своих работах указывают на то, что лирику поэта отличает игра с текстом, языковая игра. А. А. Вознесенский характеризуется как экспериментатор в области художественных форм, который активно использует неправильные и редкие рифмы, поэтические неологизмы, вводит в стихотворения разговорную, иногда грубую лексику. О нем говорят как о поэте, который всегда искал новые словесные средства выразительности. Благодаря такому методу А. А. Вознесенского возродилась русская визуальная поэзия, которая пользуется популярностью и в современном стихосложении [11].

С усложнением поэтики Вознесенский ввел в поэзию выражения повседневного быта, язык «улицы», литературные имена, скрытые цитаты. Именно в этом современники и видят уникальность лирики поэта.

Цель работы — описать состав и значение прецедентных феноменов в поэзии А. А. Вознесенского.

Изложение основного материала. Понятие «прецедент» возникло в сфере юриспруденции и основывалось на противопоставлении «было — не было». Однако в наше время, как уже было сказано выше, понятие переместилось в культурно-языковые исследования и употребляется в них достаточно активно. «Прецедентные феномены», выделяющиеся внутри прецедентов как особая группа, обладают следующими чертами: 1) хорошо известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества как общие и обязательные для всех носителей данного сообщества национальные и минимальные инварианты их восприятия; 2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) постоянно возобновляемы в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества, что и делает их прецедентными [10].

Важным признаком прецедентных феноменов является то, что к ним всегда обращаются и воспроизводят их в определенном значении. Апелляция может быть как частотной, так и довольно редкой, но она должна быть понятна собеседнику без дополнительного объяснения и расшифровки (иначе это будет уже не прецедентный феномен).

Прецедентные феномены разнообразны, поэтому нуждаются в упорядочении. В данной работе используется классификация прецедентных феноменов, разработанная рядом лингвистов (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захарченко) [7, 10]. Эта классификация представляется наиболее разноаспектной и достаточно аргументированной.

В поэтических текстах А. А. Вознесенского нами зафиксированы следующие типы прецедентных феноменов:

Прецедентное имя — «индивидуальное имя», связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным.

Состав имен, вводимых в текст в качестве прецедентных, в лирике А. А. Вознесенского многочислен и разнообразен. В частности, автор использует следующие группы имен: 1) русские писатели и поэты: *Гоголь, Гумилев, Пастернак, Маяковский, Цветаева, Ахматова, Высоцкий* и др.; 2) зарубежные писатели: *Горацій, Петрарка, Лорка* и др.; 3) композиторы *Вивальди, Паганини, Чайковский* и др.; 4) художники: *Микеланджело, Гойя, Шагал, Тулуз Лотрек* и др.; 4) представители киноиндустрии: *Мэрилин Монро* (актриса), *Андрей Плахов* (советский и российский кинокритик); 5) исторические лица: *Рюрик, Наполеон, Кутузов, Ленин* и др.; 6) политики — современники автора: *Янош Кадар* (венгерский политик-коммунист), *Кеннеди*

(американский государственный и политический деятель, президент США, убит по заказу политических противников), *Старовойтова* (советский политик времен перестройки, специалист в области межнациональных отношений, правозащитник, убита по заказу политических противников) и др. В контекстах: «Устраивали Ватерлоо. / Считали: **Наполеон** / годится на роль Второго. / Но уклонился он» («Устраивали Ватерлоо...»); «Как повязочка **Кутузова**, / в небесах летает мебель» (Былина и Мо); «Туда и обратно не люди / сигают дугой вольтовой. / Стреляющий в **Джона Кеннеди** / убил **Старовойтову**»; («Глобальное потепление...»); «как странны нам те придурки, / далекие, как при Рюрике, / (дрались, мельтешили, дулись), / какая все это дурость!» («Возвращение в Сигулду»).

Структурный состав прецедентных имен также разнороден. Прецедентное имя может состоять только из имени, как, например, в стихотворении, посвященном, после личного знакомства, судьбе американской киноактрисы, певицы, одной из наиболее культовых персон американского кинематографа Мэрилин Монро: «**Я Мэрлин, Мэрлин.** / Я героиня / самоубийства и героиня. / Кому горят мои георгины? / С кем телефоны заговорили? / Кто в костюмерной скрипит лосиной?» («Монолог Мэрилин Монро»). Но чаще всего А. А. Вознесенский вводит в текст прецедентные фамилии без имен, особенно фамилии литераторов, среди которых самые знаковые и значимые для автора фамилии его духовных и литературных учителей — В. Маяковского и Б. Пастернака: «*“Разговор с фининспектором о поэзии” / Фабзайцы и **Маяковский** / Разговор Дельфина со Спектором — полный абзац МКовский!*» («Увы»); «*Маяковскому под ноги / Маяковская Москва! / **Маяковским** громит подонков / **Маяковская** чистота*» («Лили Брик на мосту лежит»); «*Летят машины — осы Патриарха. / Нас постигает осень **Пастернака***» («Осень Пастернака») и др. В последних строках А. Вознесенский использует не только прецедентное имя, но и обращается к прецедентному тексту — роману колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса «Осень патриарха», в котором исследуется феномен авторитаризма.

Прецедентные имена становятся критериями оценки: «*Над эстрадой нашей хабалковой / звёзды — **Галкин** и **Пугачёва***» («Гламурная революция»). Очевидно, что творчество двух известнейших, практически культовых артистов современной эстрады — Максима Галкина и Аллы Пугачёвой — поэт оценивает крайне негативно,

утверждая, что их звездность возможна только потому, что эстрада в целом *«хабалковая»*, т. е. вульгарная, пошлая и вздорная.

Совсем в ином тоне поэт пишет о Василии Шукшине — заслуженном деятеле искусств РСФСР, советском кинорежиссере, актере, писателе: *«Хоронила Москва Шукшина, / хоронила художника, то есть / хоронила страна мужика / и активную совесть... / просто каждый пришёл и простился»* («Хоронила Москва Шукшина»). Называя Шукшина *активной совестью, художником*, утверждая, что хоронили и прощались с писателем *Москва, страна, каждый*, А. Вознесенский подчеркивает масштаб трагедии: смерть Шукшина — потеря для всех.

Не меньшее уважение вызывает у поэта и личность В. Высоцкого — культовой фигуры России, легендарного барда, актера театра и кино, известного во всем мире: *«За упокой Высоцкого Владимира / коленнопреклонённая Москва, / разгладивши битловки, заводила / его потусторонние слова»* («Реквием оптимистический 1970-го года»). Перед именем Высоцкого, как перед иконой, преклоняет колени Москва, повторяя вместо молитвы его *потусторонние слова*, его пророчества.

Прецедентное имя также может состоять и более чем из одного элемента («в *соборе Парижской богородицы шла месса*»), обозначая при этом одно понятие. Собор Парижской богородицы, или Нотр-Дам-де-Пари, — католический храм в центре Парижа. Он является одним из шедевров мировой готической архитектуры, которому посвящены даже произведения мировой литературы (см. «Собор Парижской Богородицы» В. Гюго). А. А. Вознесенский использует данный прецедентный феномен для того, чтобы показать уникальность и масштабность происходящего действия.

Все прецедентные имена, используемые автором, актуальны для него как выразительно-образительные средства, важные для понимания его стихотворений.

Прецедентная ситуация — некая «эталонная» ситуация, которая связана с набором определённых смыслов, признаки которых входят в когнитивную базу [10]. Прецедентные ситуации, упоминаемые в поэзии А. Вознесенского: битва при Ватерлоо, Бородинское сражение, «Большой террор» и др.

В стихотворении «Устраивали Ватерлоо...» осмысливается прецедентная ситуация *битва при Ватерлоо* — последнее крупное сражение французского императора Наполеона I, завершившееся его поражением: *«Устраивали Ватерлоо. / Считали: Наполеон /*

годится на роль Второго. / Но уклонился он». Битва при Ватерлоо известна всем своей жестокостью, кровопролитием и поражением Наполеона, после которого он был отправлен в отдаленную ссылку, где вскоре скончался, так и не вернув себе французский трон. *Ватерлоо* — знак окончательного падения завоевателя, расплата за былое величие. Прецедентная ситуация подчёркивает экспрессивное наполнение стихотворения.

«— *Не сдадим Москву французам!*». В стихотворении «Былина и Мо» упоминается прецедентная ситуация Бородинского сражения — генеральной битвы Отечественной войны 1812 года, в которой сошлись российская армия под командованием М. И. Кутузова и французская армия под командованием Наполеона. Русская армия, воевавшая за сохранение своих территорий, смогла с честью и достоинством дать бой считавшейся непобедимой армии французского императора.

«*Тройка. Семерка. Русь. / Год 37-й. / Тучи мертвых душ / воют над головой*». Строки стихотворения «37-й» повествуют о начале Большого террора. 1937 год стал символом массовых репрессий. Особенность Большого террора состоит, в первую очередь, в его масштабности, так как за достаточно короткое время было арестовано, по разным подсчетам, от 1,3 до 1,7 миллионов человек, часть людей была казнена как «враг народа», «контрреволюционер», «вредитель». Репрессиям подвергались бывшие оппозиционеры, или родственники уже репрессированных «врагов народа», или просто случайные люди, в том числе поэты, писатели, композиторы. Вознесенский возвращается к трагедии народа.

Показательно, что в сравнительно небольшом тексте соседствуют несколько разновидностей феноменов, прецедентных для автора и не только: имена разных групп и эпох (*Германн* и *Чекалинский* — персонажи повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», *Осьмеркин* [А. А.] — известный художник, *Петр Ильич* [Чайковский] — великий композитор, *Нефертити* — легендарная царица Египта, *Руст* [Матиас] — немецкий пилот-любитель, в 1987 г. в восемнадцатилетнем возрасте посадивший самолет практически на Красной площади Москвы), уже упомянутая ситуация 1937-го года, наконец, прецедентные высказывания (*Куда ты несешься, Русь? Тройка, семерка, туз*) и даже текст («*Мертвые души*» Н. В. Гоголя).

Прецедентное высказывание — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [10].

Так, в том же стихотворенні «37-й», трансформуючи хорошо знаому пушкінську триаду «*тройка, семерка, туз*», А. А. Вознесенський вводить в неї в якості «третьої карти» спочатку *Русь* для позначення місця подій, а потім прізвище «воздушного хулігана» — *Руст* — як знак абсолютної несподіваності, результату безпеки, неупорядкованості, безалаберності.

Необхідно відзначити, що поет використовує в ліриці прецедентні висловлювання різних типів в неизмінному або частково трансформованому вигляді достатньо широко. Частіше за все це прислів'я (*сміх без причини — ознака дурачини* і др.) або фразеологізми (*пусто за душою* «нічого немає», *черт возьми* «вигук, виражає сильну досаду, недовільство», *словно листя банніе* «навіязливо, назойливо приставати», *ветром сдуло* «швидко зникнути з поля зору», *были-сплыли* «зникнути», *дела амурные* «любовні, романтичні справи», *потерять совесть* «робити те, що не схвалюють інші люди», *бровь нахмурить* «обидітися на людину, бути серйозним», *позабудет, как меня зовут* «забути про існування людини і про все, що з ним пов'язано», *вырви глаз* «дуже яскраво, викликаючи», *полный абзац* «безсхідність», *а на фигу* «зачем?» і т. д. Фразеологізми можуть трансформуватися шляхом заміни компонентів: *ахиллесово сердце* (в оригіналі — п'ята), *небом* (хлібом) *єдиним живим людинам, кукиш векам* (вам) і др. — або граматически: *черт меня нес* «рухатися кудись без причини на те», *носы длиннее* «дуже любознательні люди» і др. Можливі більш глибокі трансформації-наміки: *похож на ежика* «всезнаючий людина» від *ежу понятно* «дуже очевидно, елементарно».

Як можна помітити, більшість прецедентних висловлювань, які використовує автор, виражають певні емоції, причому максимально експресивно, «по-народному». Автор вдається до даних прецедентних висловлювань, в пошуку відклику звертаючись до душі російської людини.

Прецедентний текст — закінчений і самодостаточний продукт мислительної діяльності. Термін «прецедентний текст» був вперше використаний Ю. Н. Карауловим в 1987 році. Йому були присвоєні «тексти, значимі для тієї або іншої особистості в пізнавальному і емоційному відношенні, які мають надособистий характер, тобто добре відомі і широко оточені даною особистістю, включаючи її предшественників і сучасників, і, нарешті, звернення до яких відновлюється неодноразово в дискусії даної мовної особистості» [9, с. 216]. Це

сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества. Обращение к прецедентным текстам может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы [10]. Не обошел вниманием прецедентные тексты и А. А. Вознесенский. Например, в стихотворении «Авось! — Вступление» автор пишет: «*Когда бессильна “Аве Мария”, / сквозь нас выдыхивает до звёзд / атеистическая Россия / сверхъестественное “авось”!*». Название католической молитвы «Аве Мария» выступает в качестве знака надежды на веру, на помощь Господа и Матери Божьей, которому противопоставляется *атеистическое* русское *авось* («может быть, возможно, вдруг произойдет»): «*“Авось” разгуляется, “Авось” вывезет, / гармонизируется Хаос. / На суше барщина и Фонвизины, / а у нас весенний девиз “Авось”!... Когда ж наконец откинем копыта / и превратимся в звезду, в навоз — / про нас напишет стишки пиита / с фамилией, начинающейся на “Авось”*».

По замечанию А. Д. Шмелева, знаменитое русское «авось» выражает одну из особенностей национального характера: это и надежда на благоприятный исход дела, и оправдание беспечности, когда ничего не делается, чтобы избежать нежелательных последствий [12, с. 134–136]. «В случае же, когда *авось* используется для характеристики собственной установки, обычно бывает очевидна самоирония. Не случайно в современной русской речи слово *авось* чаще используется не в «прямом режиме», в функции модального слова, а в качестве краткого и яркого обозначения соответствующей установки» [12, с. 136].

Часто в стихотворениях А. Вознесенского представлены апелляции к произведениям мировой литературной классики, которые можно считать прецедентными, поскольку отдельные строки либо названия классических произведений, вызывают у читателя ассоциации с целостными образами. Такими прецедентными феноменами являются: «*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный*» (А. Пушкин «Я памятник себе воздвиг...»); «*— Не сдадим Москву французу!*» (М. Лермонтов «Бородино»); «*Поднок, как он был подробно, / стилиага, Чайльд-Гарольд, битюг!*» (Дж. Г. Байрон «Паломничество Чайльд-Гарольда»); «*Ты молилась ли на ночь, береза? / Вы молились ли на ночь, / запрокинутые озера / Сенеж, Свитязь и Нарочь?*» (У. Шекспир «Отелло») и др.

Стоит отметить, что прецедентные имена могут со временем терять свою прецедентность, деактуализироваться. Несмотря на то, что А. Вознесенский практически наш современник, отдельные имена и факты, использованные им как прецедентные, для понимания смысла текстов поэта нуждаются в дополнительных комментариях.

Выводы и перспективы исследования. Анализ функционирования прецедентных феноменов в поэзии А. А. Вознесенского позволяет сделать вывод о том, что прецедентные феномены играли значительную роль в лирике поэта, активно использовались им как образительно-выразительное средство. Поэт обращался ко всем видам прецедентных феноменов с разнообразными целями — эмоционального воздействия, убеждения, оценки. Функции прецедентных феноменов в лирике А. А. Вознесенского, несомненно, представляют интерес и требуют дополнительного осмысления.

Список использованной литературы

1. Баженова Е. А. Прецедентные единицы в научном тексте. *Вестник Пермского университета*. 2010. № 3 (9). С. 32–36.
2. Баландина Л. А., Малюгина Н. М. Прецедентный феномен как основной компонент общекультурных знаний в процессе преподавания русского языка как иностранного : современные гуманитарные исследования. *Руконт*. 2016. № 4 (71). С. 50–54. URL: <https://rucont.ru/efd/479893>
3. Бушев А. Б. Русская лексика в динамике XXI века. *Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках* : мат-лы IV Международной научной конференции. Днепропетровск : «Пороги», 2009. С. 3–7.
4. Вознесенский А. А. Стихотворения и поэмы : сборник. Москва : «Молодая гвардия», 1991. 174 с.
5. Волков Соломон. Андрей Вознесенский: Я был заиклен тогда на Жаклин : журнальный материал. *Сноб*. 03 (100) зима 2019–2020. 26 ноября 2019. URL: <https://snob.ru/entry/185622>
6. Голубева Н. А. Деривационная активность концепта «Прецедент». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2008. № 5. С. 259–264.
7. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

8. Каневская О. Б., Гострая Е. В. Модель формирования вторичной языковой личности посредством работы с прецедентными феноменами культуры на уроках русского языка как иностранного. *Интеграция образования*. 2020. № 2. С. 296–315. DOI: 10.15507/1991-9468.099.024.202002.296-315
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. 246 с.
10. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
11. “Стихи не пишутся — случаются...”: к 85-летию А. А. Вознесенского. *Липецкая областная универсальная научная библиотека* : веб-сайт. URL: <https://lib48.ru/virtual/stikhi-ne-pishutsya-sluchayutsya-k-85-letiyu-a-a-voznenesenskogo>
12. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира : Материалы к словарю. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
13. Яцура А. П. Прецедентные имена поэтических и прозаических произведений Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко: монография. Нежин : ООО «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2011. 256 с.